

Номадизм диаспоры в лучах аквамарина

Роман македонской писательницы Тани Урошевич (р. 1939) «Аквамарин» (2004)¹ – яркий пример сложных и тонких размышлений о восприятии славянства и славянского мира как комплексного явления македонской культурной средой. Славянство понимается как категория, объединяющая в себе противоположные тенденции: с одной стороны, оно представляет близость, общность, единство, но с другой – связано и с понятием «инаковость»². Образ славянства в Македонии в каком-то смысле проистекает из рецепции русского народа македонской литературой и культурой, в этом контексте существуют и некоторые художественные произведения, воссоздающие образ русского (а иногда и украинского) эмигранта в Македонии³. Автор «Аквамарина» известна в Македонии как прекрасный переводчик всемирно знаменитых русских авторов, но в своем первом романе открывается и как серьезный рассказчик. Жизненный путь русского эмигранта писательница изображает убедительно и достоверно, что в большой степени связано с ее личным жизненным опытом, поскольку сама Таня Урошевич русская по происхождению. Так что серьезный труд Урошевич на ниве перевода великих русских произведений на македонский язык и ее дар рассказчика и выбор сюжета подтверждают связанность искусства и процессов миграции, путешествия, ухода от повседневности. Это явление известно в теории и критике как поэтический номадизм.

Современные культурологи различают два вида номадизма. Один, свойственный интеллектуальному сознанию, воспринимает дом как некое «безвоздушное» пространство, основанное на фрустрациях и существовании, лишенном привычных мотиваций. Как таковой, этот тип номадизма постулирует само путешествие, которое не только освобождает, очищает, но и дает возможность избежать ответственности за свою и чужую жизнь, жизнь наших близких, народа и страны. Другой тип, номадизм мигрантов или диаспор, продиктован политическими и экономическими причинами и обусловлен неприемлемым для субъекта домашним, своим пространством, домом и даже самой идеей дома⁴.

Роман Т. Урошевич «Аквамарин» – это современная одиссея, в которой миф об Одиссее использован как интертекстуальная база для изображения жизненного пути русского эмигранта Бориса Андреевича Кузнецкого, чья «история» дописана в истории его сына Андрея Борисовича Кузнецкого.

Однако миф об Одиссее можно воспринимать и как интертекстуальную основу эмиграции как стиля жизни, как синдрома, усиливающего потребность в определении прошлого своего и своих предков, в выявлении и обозначении своей идентичности и идентичности своего отца⁵. Роман начинается с рождественской сказки о прекрасной дочке богача Елене и человеке, которого приводит в дом ее отец. «Он русский, из «белых». Мы встретились с ним в Янине, и он очень помог мне в одной сделке с австрийцами и греками; отлично знает языки. Порядочно ученый человек... ученый человек... Знаешь, как он разговаривал с теми: с немцами – по-немецки, с французами – по-французски, с англичанами... Что тут скажешь, опытен он, многое в жизни повидал», – говорит отец Елены, представляя гостя⁶. С этим эпизодом в роман входит и Андрей, сын Бориса, потому что именно здесь начинается история, касающаяся и его. В одном из интервью газете «Нова Македонија» (13.10.2004) автор говорит: «Большим заблуждением является то, что мы верим, будто в нашей жизни что-то может быть перечеркнуто, уничтожено, забыто. В каждую минуту своей жизни человек хранит в себе и прошлое, и настоящее, и будущее. Именно поэтому Андрей Кузнецкий, хотя и невольно, должен отправиться на поиски своего прошлого, чтобы постичь собственную целостность, чтобы вернуться к истокам и быть готовым к новым заблуждениям, которые явно ему угрожают».

Борис Кузнецкий, несомненно, является скитальцем и, будучи таковым, должен нести (и жить с ним) сознание потерянной целостности собственной биографии. Автор выстраивает образ своего героя как субалтерного⁷ (маргинального) субъекта, потому что присутствие в нем бунтарского сознания является определяющим. Носителем такого же сознания становится и Андрей, что в постструктуралистской теории могло бы быть обозначено как субалтерный субъект-эффект (субъект как последствие некоего явления)⁸. Борис – эмигрант (но его сын – нет) и потому неминуемо должен воспринять бегство как одну из форм номадизма диаспоры, продиктованную конкретными политическими и экономическими обстоятельствами начала прошлого века в России. «Скитание прерывает и континуальность биографии, жизненного пути»; – говорит писательница К. Б. Колбе в (авто)биографическом тексте «Эгейцы»⁹. Бегство вынуждает нас родиться еще раз. Оно открывает «иные размеры времени и пространства, что иногда может оказаться полезным, ибо дает возможность понять истинную сущность вещей ... Изгнание, которое всегда наступает после некоего поражения, не всегда подразумевает только болезненный опыт»¹⁰, что, к сожалению, не относится к герою романа Урошевич. На изгнание нужно смотреть и как на наказание, и как на свободу, и как на ответственность¹¹. «Если люди не хотят превратить свою дальнейшую жизнь в патологическое притеснение и насильственное лишение памяти, то они не могут жить без воспоминаний о прошлом... Страда-

ние конкретных людей, скитальцев... – это не фикция, не мифология культуры. Это свидетельство их перманентной травмы, которую нельзя оставить в стороне...»¹². Поэтому так важно стремление Тани Урошевич привести своих героев туда, где эта травма была получена. Для Андрея это его родина Россия, а для Бориса – греческий остров Корфу, куда спустя некоторое время герой повторно эмигрирует уже из Македонии. В обоих случаях уничтожается сам образ дома. Для одного то, что является домом, разрушается, а для другого чужбина пытается заменить уничтоженный дом, обновить его, перевоссоздать. Могут ли Андрей и Борис отказаться от сна о доме? Побывав на Корфу, Андрей узнает, что в жизни его отца было всего три больших любви – македонка (мать Андрея Елена), гречанка Навсика и Россия. Покидая Македонию и Корфу, Борис доказывает, что его судьба – это постоянное скитание и бесконечное стремление вернуться домой, хотя бы и ради того, чтобы умереть там, будучи обвиненным в нацизме и осужденным на заключение в сибирских лагерях. И это так, потому что всю свою жизнь он скитался в поисках надежного, твердого, стабильного места, в котором мог бы опознать черты своего «дома». Не найдя «дом» и на Корфу, герой решает вернуться в Россию. «Состояние скитания подразумевает и бунтарскую разорванность, и покорность в обретении нового дома. Единственное, что остается беглецу, чтобы пережить травмы скитания, – это совсем не преодолевать их, а проживать как дрящееся состояние, превратив скитание в веселую жизненную идеологию, чтобы воспринимать шизофрению перманентного бегства как норму и почитать только одного бога – чемодан», – пишет хорватская писательница Дубравка Угрешич¹³. С возвращением обоих героев к месту травмы, которое разрушило, разорило, преобразовало их идентичность, может легко прийти забвение, смирение, окончательное успокоение страстей. Именно поэтому автор дает своим героям возможность понять это. Тоска по истинному дому у Бориса связана с ощущением временности жизни и в Македонии, и на Корфу. Впрочем, как пишет Урошевич, «он никогда и не скрывал, что хочет уехать... на Родину», потому что «каждый в конце концов желает этого». Тоска по настоящему дому у Андрея сопряжена со страхом перед глубокой, тяжелой, как свинец, отцовской тоской:

«Да, возвращение домой... и...

...

А дома? Что ждет его дома? Быть может, и ему судьба приготовила выбор, перед которым несколько раз оказывался и его отец Борис?

...

Все его бытие воплотилось в одно-единственное стремление – достичь своего дома».

«Скитальцу, бегущему из другого географического пространства, другой страны (каковым является белогвардеец Кузнецкий. – В. М.), сразу ста-

новится совершенно ясно, что он не просто оставил свое пространство, а отдалился от своего начала», — пишет К. Колбе¹⁴. Но еще более поражает большое сознание героя то, что с этого момента и до конца своей жизни он, скиталец, должен нести с собой всю историю прожитой жизни. «Он должен нести эту историю с собой. Она легитимирует и регулирует его существование, делает его основательным. Он, как Сизиф, отягощен его драгоценностью и только ему очевидным богатством воспоминаний». «Чужестранец, скиталец, — продолжает размышлять Колбе, — это не «фрагмент», хотя в новых обстоятельствах он неминуемо должен стать таковым, то есть человеком, созданным из раздробленных частей». «Беглец, он все же не лишен определенности. Он не представитель некоей группы людей, а человек с собственным бытийным содержанием»¹⁵. Значит, Борис Кузнецкий оставляет некое интимное, знакомое, уютное пространство и вступает в пространство, наполненное неопределенностью. «Такая перемена, подобный переход границы меняет и характер человека, — говорит П. Занини, — за границей мы становимся иностранцами, эмигрантами, отличными не только от других людей, но иногда и от самих себя. А возвращение в точку, с которой мы начали путешествие, не означает, что мы всегда обязательно найдем там все то, что оставили»¹⁶. Носителем этого ощущения являются герои романа Урошевич: таков Борис, но от этого чувства хочет освободиться и Андрей. Осознание своего происхождения — это единственный для Бориса способ понять собственную идентичность. «Каждый чужестранец является беглецом, уходящим от своей прежней жизни, человеком без корней, наконец, человеком, лишенным основы, неуверенным. Чем больше его отчаянье, тем с большим сомнением смотрят на него другие люди... Чужой, скиталец — один из немногих, кто не может избежать своего прошлого, потому что только оно является его единственной опорой»¹⁷. Воспоминания о детстве Андрея неминуемо означают и обращение к воспоминаниям его отца о своем происхождении. Так, образ голубого камня — аквамарина в роскошном перстне, хранящемся как реликвия в семействе Бориса, а потом и Андрея, — символизирует их дворянское происхождение. Значение дома или то, что мы пытаемся определить как «дом», неотделимо от психологического аспекта. Невозможность ощутить хоть какое-то пространство как дом нарушает психическую целостность Бориса, а затем и Андрея. «Поэтика родного края имеет широкое значение, — замечает македонская исследовательница Л. Георгиевская-Яковлева. — Кроме того, что она связана с историческими реальными местами и группами людей, принадлежащими определенной нации, пространство родины получает поливалентную семантику, в которой мотив страсти к недостижимой родине заменяется, как компенсацией, страстью к любимой женщине»¹⁸. Именно к этому стремится и Борис. Своей любовью к женщинам — македонке и гречанке — он пытается излечить лю-

бовь к России, хотя в детской головке сына эта отцовская любовь выглядела совсем иначе: «...свою мать Елену он воспринимал всегда *страдалицей, невинной жертвой*. Отца – *печальным проигравшим человеком*, более того, *виновником* многих неудач в их жизни. Но о любви, о страсти между ними Андрей никогда не думал»¹⁹ (Курсив наш. – В. М.). Страсть к стране или к женщине Борис передал и своему сыну. Или же Андрей генетически воспринял это от своего отца, как и «его необычные для этих земель светлорусые волосы и синие глаза»²⁰. Поэтому Тяня Урошевич трансформирует тоску Бориса по дому и родине в эротическое чувство «дома» у Андрея. На это указывает литературовед А. Банович-Марковская, когда говорит о том, что Урошевич использует смелую любовно-эротическую манеру письма²¹.

Таким образом, роман Тани Урошевич «Аквамарин» подтверждает постоянный интерес македонской культуры к менталитету русского народа, который, являясь славянским, настолько же близок македонцам, насколько и мало им известен²².

Примечания

¹ Урошевиќ Т. Аквамарин. Скопје, 2004.

² Образ славянства в македонской литературе имеет амбивалентный характер, с одной стороны, это образ чего-то иного и до известной степени чужого, а с другой стороны, этот образ включает в себя и представления о себе, о своем истоке (в смысле старославянского слова «источник»), о своих корнях и о едином значительном, базовом слое самоидентичности. В связи с этими причинами картина славянства в македонской культуре – явление комплексное, объединившее образы внешние и внутренние, себя и другого, своего и чужого одновременно. См.: Стојменска-Елзесер С. Споредбена славистика. Скопје, 2005. С. 193; Тодорова М. Замислувајќи го Балканот. Скопје, 2001; Inden R. Imagining Indija. Oxford and Cambridge, 1990; Hentsch T. Imagining the Middle East. Montreal and New York, 1992; James G. Carrier. Occidentalism: Images of the West. New York, 1995.

³ Речь идет о романах: Србо Ивановского (р. 1928) «Жена белогвардейца» (2001), Томе Арсовского (р. 1928) «Зубы ветра» (2003) и Тани Урошевич «Аквамарин». «Можно говорить об образе русского человека, подавленного идеологией сталинизма, об образе русского белогвардейца, эмигранта, беженца, аристократа, нашедшего укрытие в Македонии», – подчеркивает С. Стойменская-Елзесер. См.: Книжевни стереотипи (Рускиот емигрант во македонската проза). 2003. С. 199–210.

⁴ См.: Гурчинова А. Поимот на границата во миграциската естетика // XXXIV Научна конференција на XL Меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура. Скопје, 2008. С. 231–237.

⁵ См.: Бановиќ-Марковска А. Светот со боја на аквамарин // Групен портрет. Скопје, 2007.

⁶ Урошевиќ Т. Аквамарин. С. 16.

⁷ Понятие «субалтерный» означает незлитные или подчиненные социальные группы, к которым во время Октябрьской революции и после нее относились белогвардейцы, приверженцы монархии. См.: Чакраворти Спивак Г. Субалтерни студии. Деконструирајќи ја историографијата // Чакраворти Спивак Г. Постколонијална критика. Скопје, 2003. С. 45–101.

⁸ Там же. С. 65.

⁹ Колбе К. Б. Егејци. Скопје, 1999.

¹⁰ См.: *Zanini R.*. Знасења границе. Београд, 2002. С. 67.

¹¹ Там же. С. 68.

¹² *Hentsch T.* Imagining the Middle East. P. 12.

¹³ Цит. по: *Георгиевска-Јаковлева Л.* Поетика на егзилот // Книжевноста и културната транзиција. Скопје, 2008. С. 87–88.

¹⁴ *Колбе К. Б.* Егејци. С. 23.

¹⁵ Там же. С. 23, 30–31.

¹⁶ *Zanini R.*. Знасења границе. С. 21.

¹⁷ *Колбе К. Б.* Егејци. С. 31–32.

¹⁸ *Георгиевска-Јаковлева Л.* Поетика на егзилот. С. 85.

¹⁹ *Урошевиќ Т.* Акварин. С. 152.

²⁰ Там же. С. 34.

²¹ *Бановиќ-Марковска А.* Светот со боја на акварин. С. 134.

²² Тајке см.: *Vusek E.* Отворена карија ка истоку. Београд, 2007; *Њиши А.* Миграциите и литературата (сегашни и живо доба) // Идентитети. Скопје, 2004. Бр. 1; *Угрешиќ Д.* Забрането читање. Скопје, 2002; *Шелева Е.* Дом / идентитет. Скопје, 2005.